

Татьяна В. Радзиевская (Киев)

А. А. Потебня как критик: особенности стиля рецензирования

Ключевые речи:
рецензия, разбор, Потебня,
стиль рецензирования, типы
критического реагирования,
научный дискурс 19 ст.

На матеріалі рада українськог і руског лінгвісте А. А. Потебні *Разбор сочинения П. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия»* (СПб, 1879) сагледавају се карактеристике његовог стила рецензирања, издавају модалитети критичарских реаговања и други поступци критичарско-аналитичког излагања, који су карактеристични за идиостил тог научника.

Интерес к научному наследию выдающегося представителя Харьковской лингвистической школы Александра Афанасьевича Потебни и его творческой личности не угасает. Потебневедение представлено значительным числом разысканий (Покажчик 2005), посвященных изучению научного наследия ученого, которое продолжает будоражить умы представителей различных сфер гуманитарного знания, в том числе возникших относительно недавно таких, как когнитивная поэтика (Воробйова 2005). Вместе с тем следует констатировать, что в общей массе исследований незначитель-

ное место занимают работы, обращенные к личности Потебни и различным сторонам его профессиональной деятельности – исследовательской и педагогической, личной и духовной жизни, историческому контексту, в котором развивался научный дискурс 19 ст. Документов для их изучения в целом недостаточно. Тем большую значимость для нас приобретают написанные ученым тексты различных жанров, которые могут стать источником для реконструкции как его языковой личности, так и черт дискурсивной практики в период становления лингвистической науки во второй половине 19 ст.

Стиль 2011

Объектом анализа в данной статье будут некоторые особенности, присущие стилю критико-аналитической деятельности Потебни, которые мы рассмотрим на материале его труда «Разбор сочинения П. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия» (Потебня 1879). Этот труд, опубликованный в 33-м томе «Записок Академии наук», примечателен во многих отношениях. Как явствует из названия, текст посвящен критическому анализу указанного в заглавии сочинения филолога П. И. Житецкого, вышедшем в Киеве в 1876 г. объемом почти 400 страниц. Рецензия на него Потебни – это 76 страниц текста, который представляет собой отдельное научное сочинение критического свойства, весьма отличное от современных научных рецензий как по своему объему и структуре, так и по содержанию. За свой «Разбор» Потебня был награжден Золотой Уваровской медалью, весомой наградой Императорской академии наук.

Существует одно весьма любопытное свидетельство частного характера, которое фиксирует впечатление читателя-филолога от прочтения труда П. Оно принадлежит перу киевлянина Александра Руссова, выпускника Киевского университета имени св. Владимира, который был почитателем научного таланта П. и длительное время состоял с ним в переписке. Находясь по роду деятельности вне университетской среды, Руссов старался следить за ходом филологической мысли и публиковавшимися языковедческими трудами, был знаком с исследованиями Ж-го. Чтение «Разбора», как свидетельствует текст его письма к П. от 4 января 1879 г., оставило у него противоречивое впечатление, про что он пишет так: «... Вы слишком ругательски отнеслись к Житецкому: только и знаете, что ругаете.

И где его стоило похвалить, Вы только говорите, что «это верно». А почему Вы сами знаете, что «это верно»? Уху своему, а не объективному чему-либо доверяете. Впрочем (это по секрету) Житецкого так и стоит пробирать за его наклонность «ухмари заходить» (Франчук 1991: 75–76). Как мы видим, в этом свидетельстве проглядывает упрек в чрезмерном критицизме П., в том, что единственная тональность его «Разбора» – сугубо критическая и написан он одной «краской», а это не совсем объективно.

Для того, чтобы разобраться в том, насколько справедлив этот упрек, следует обратиться к самому тексту П. и рассмотреть особенности критического стиля ученого, его деятельность научного эксперта, «запечатленную» в тексте. Для этого мы обратимся к когнитивной специфике разбора как вида профессиональной научно-аналитической деятельности и жанра научного дискурса, применяемым П. приемам анализа, в частности, с точки зрения Принципа Кооперации П. Грайса (Грайс 1985), а также определенным речеповеденческим и стилистическим пристрастиям автора.

1. О когнитивной специфике разбора. Текстовый тип и жанр разбора, будучи по сути разновидностью рецензии, характеризуется безальтернативной заданностью основной стратегии текстообразования, что выражается в том, что автор разбора в своих действиях воспроизводит последовательность действий автора. Облигаторность этой стратегии текстообразования обуславливает отличие разбора от рецензии – важной составляющей современного научного дискурса. Как показала Н. А. Корнева, современная научная рецензия в гуманитарной сфере, характеризуется двумя

основными стратегиями, названными «Ключевые моменты» и «Содержание в соответствии со структурой РТ», из которых лишь вторая соотносится с жанром разбора. Это означает, что основным процедурным принципом разбора выступает последовательное, по мере чтения анализируемого текста, вычленение определенных текстовых блоков, с их последующим анализом.

Существенно отметить, что, в отличие от рецензии, предполагающей оценку вклада исследования в научную область, определения ее места в ней, значения для последующего развития научного направления, разбор не нацелен на квалификацию научного текста по шкале аксиологических оценок («хорошо – плохо») труда в целом. Жесткая заданность процедуры разбора, обуславливает его когнитивную *ограниченность*. Такая ограниченность объясняется фиксированностью позиции, или точки зрения (в смысле Б. А. Успенского), рецензента, который рассматривает анализируемый текст как бы «под микроскопом», с близкой дистанции, производя его «вивисекцию» с целью досконального изучения его сегментов. Эта позиция порождает гипервнимание составителя к отдельному вычлененному сегменту, главным образом, той информации, которая в нем содержится или не содержится, хотя в фокусе критического внимания рецензента может оказаться любой аспект выделенного сегмента – не только содержательный, но и терминологический, структурный, логический, риторический.

О своей стратегии в «Разборе» П. прямо сообщает: *Замечания мои будут следовать в общем порядке изложения, принятому автором...* (с. 15) (*). И, действительно, сам разбор имеет четкую структуру, отражающую интеллектуаль-

ный диалог двух исследователей. П. приводит цитату из труда Ж-го, сопровождая ее своими замечаниями и комментариями, которые вместе образуют целостный сегмент «Разбора» – его основную структурно-семантическую единицу. В издании (Потебня 1879) такой сегмент часто маркируется абзачным отступом и тире. Замечания П., отражая разнообразные научно-герменевтические реакции, в большинстве случаев перерастают в достаточно пространственный комментарий, порождают многочисленные вопросы. Часто истинность положений Ж-го подвергается сомнению, однако не оспаривается, часто и сам Потебня не имеет готового ответа на сформулированный вопрос, поэтому, помимо изложения фактов, разбор включает предположения, сомнения, советы.

Стиль анализа П. проявляется при обращении к таким сегментам, которые демонстрируют определенные типы критического реагирования. Они, с одной стороны, вполне традиционны для научной критики, а, с другой, – ярко представляют его как ученого и языковую личность.

2. Типы критического реагирования. Типы реагирования в разборе П. можно представить четырьмя основными случаями. В двух из них основным объектом реагирования (по сути его стимулом) служит определенный фрагмент текста Ж-го, конкретное высказывание в единстве плана содержания и плана выражения, в двух других случаях объектом реагирования выступают определенные научные факты как атрибуты предметной области науки, иными словами, лишь план содержания.

2.1. Одним из типичных случаев критического реагирования П. на утверждение

Ж-го является констатация его неточности, неясности, ошибочности, неполноты, неаргументированности, которая часто сопровождается разнообразными вопросами. Так, в приводимых ниже двух критических фрагментах, которые предварены цитатами из Ж-го, оценки относятся к синкретичному комплексу плана выражения и плана содержания. Напр.: Это «насколько» мне неясно. Ну, насколько же в корне слова волк выразилось мирозерцание, да еще и основное, русского племени? Потом, странное противоположение лексики грамматике (с. 8). 2) Неясно. Если были грамматические формы, то они служили уже не первобытной мысли, ибо отсутствие форм, в том смысле как они с незапамятных времен есть в языках индоевропейского племени, еще первобытнее (с. 8). Идея неясности, нечеткости изложения передается благодаря разнообразным средствам, фиксирующим герменевтическую реакцию рецензента, в основе которой лежит понимание и интерпретация смысла. Ср. 1) Если под этим разумеется не только то, что в этот язык входили цсл. элементы и другие [...], то желательно бы увидеть понятие... (с. 14). 2) Если под двоегласием понимать ... (с. 25). 3) На это замечу, что если под новым фонетич. типом разуместь напр. случай... (с. 63). 4) Можно бы подумать, что по мнению автора – это специально малорусская особенность... (с. 46). Отсутствие точности, недостаточная аргументированность, неясность фиксируется выражениями Совсем не видно, почему... (с. 14), А то мы можем подумать... (с. 14) и подобными. Иногда неясность, влекущая недопонимание, отражается достаточно прямо в виде вопроса: Нужно ли думать, что эти черты как принадлежность древне-

русского языка, искусственны? Или, если они суть произведения природы... (с. 15).

Разбирая труд Ж-го, П. отмечает неполноту его аргументации: При изображении и объяснении малорусских изменений о, е автор не принимает во внимание кое-чего, что до него было известно. Так, он говорит: ... (с. 37). Автор умалчивает, откуда ему известно, что русс. ударение есть показатель исчезнувшей долготы (с. 26). Он критикует определенные словоупотребления и формулировки автора, которые, по его мнению, неадекватно представляют ситуацию в предметной области. Так, приводя высказывание Ж-го о том, что «явилась потребность возвратиться к долготе тех средних гласных звуков, которые по своей первоначальной природе были долгими», он возражает именно против предложенного им словесного оформления мысли: Выразаться так значит давать основание думать, что автор вводит, как агент истории языка, совершенно невероятную способность (с. 38). В другом месте фокус критического внимания П. обращается к логическим связям, устанавливаемым Ж-м благодаря союзным средствам языка и, приводя контраргументы, он пишет: Поэтому «но...» автора неуместно (с. 46).

В отдельных случаях, обращая внимание на недостаточную ясность изложения, П. оформляет свою реакцию в виде рекомендации: Чтобы это было вразумительно, следовало бы показать, где кончается динамичность звука и начинается эвфоничность звука. Иначе «мера единства» остается неопределенною (с. 9). И далее: Если так, то надобно говорить частностями, допускающими более точную поверку (с. 9).

Таким образом, одно из направлений критической деятельности в «Разборе»

охватывает случаи, относящиеся к плоскости нарушения постулатов категории Способа Принципа Кооперации П. Грайса, которые касаются ясности, однозначности, краткости и организованности изложения. Общий постулат категории Способа «Выражайся ясно» конкретизировался Грайсом в частных постулатах «Избегай непонятных выражений», «Избегай неоднозначности», «Будь краток (избегай ненужного многословия)», «Будь организован» (Грайс 1985: 223). Деятельность в этой плоскости также частично охватывает и критику в аспекте нарушения постулата количества, что выражается в упреках в недостаточной аргументации. Однако в целом следует сказать, что многочисленные герменевтические пассажи П. относительно того или иного толкования утверждений Ж-го (*по словам автора, если только я его понимаю; если под этим понимается; если под двоегласием понимать*) демонстрируют напряженность научного диалога двух филологов в период становления научного дискурса: в нем пока еще слабо развита и определена специальная терминология, тезаурус предметной области аморфен, неспециальные общелитературные способы выражения не приобрели конвенционального характера, а взгляды на объекты исследования значительно разнятся, что и ведет к актуализации в «Разборе» темы понимания друг друга, необходимого для полноценного и успешного обмена научной информацией.

2.2. С проблемой понимания в «Разборе» связан и другой аспект критической деятельности ученого: П. отмечает случаи неверного толкования Ж-м его собственных высказываний относительно тех или иных вопросов исторической фонетики. Это объясняется тем, что Ж. в своем сочинении многократно

цитировал его работы по исторической фонетике славянских языков – области, в которой П. считался общепризнанным авторитетом. Однако поводом для реагирования этого типа стало такое цитирование его работ, которое искажало смысл высказанных им положений. Так, практически вся 29-я страница «Разбора» воспроизводит фрагмент труда самого Ж., в котором он цитирует П.: *«Потебня, говорит автор, отвергает тождество Новг. і [...] с мр. і, во-і-х, на том основании, что [...]. Как ни отдалены эти века, но все же Потебня относит их к исторической эпохе, судя по тому, что...»* (с. 29). И, продолжая воспроизведение этого пространного фрагмента сочинения Ж-го, П. отмечает: ***В этом зеркале я себя не узнаю. Постараюсь восстановить ход своей мысли.*** Я не мог помириться с тем, будто позволительно, на основании столь скудных примет, как *аканье [...], разрывать связь между великорусскими говорами и устанавливать ее между мрусским и сврусским ...* (с. 29), после чего следует детальное объяснение своей позиции (с. 30–31 «Разбора»). В нем П., между прочим, отмечает: Г. Ж. *научает, что «степень распространенности звукового явления не подрывает факта его существования», как будто бы я утверждал нечто противное этой глубокой истине ...* (с. 30).

В своем стремлении восстановить истину П. пишет: *...но чтобы не возвращаться к вышеприведенным возражениям г. Ж., замечу, что мне не понятны те основания, на которых приписывал мне мнение будто «отдаленные века единства мрус. племени с новгородским» суть XI–XII ст.* И далее прямо-таки вычеканивает свой тезис: *Моя мысль: с половины IX в. и донныне заметно лишь великое течение всех трех видоизменений русского народа*

с запада на восток. В другом направлении, с сев. на ю. или наоборот ничего столь крупного незаметно (с. 31).

В другом месте, восстанавливая истину авторства, П. отмечает несколько источников информации, в том числе работу В. Ягича, опровергая утверждение Ж-го: *Автор приписывает мне и сам держится мнения, что мр. дж (=dj) образовалось из ж (239). Об этом см. мое соч. Два изсл. о зв. 124; Зам. о мр. нар. 62 сл.; К ист. зв. 39–40; Iagić. Arch. f. Sl. Ph. II, 362–3. Пока найду возможность сказать об этом подробнее, я позволю себе привести голословно несколько положений относительно смягчения д, т, положений, б.м., уже высказанных другими: ... (с. 74).* Двуголосие «Разбора», основанное на диалоге идей и воззрений П. и Ж-го, выделяется в общей полифонии этого сочинения, обусловленной эксплицитной интертекстуальностью, опорой на все значимые в рассматриваемой области научные труды и публикации. Потребней активно используются данные из разысканий академиков Я. К. Грота, О. Бетлинга, а также Ф. Миклошича, И. Вагилевича, В. Ягича, М. Колосова, И. Срезневского, В. И. Даля, Л. Гейтлера, И. Иречека, Гр. Квитки, Й. Шмидта, М. Мюлля, А. Л. Дювернуа, Ф. И. Буслаева, Я. Головацкого, А. Кралицкого, А. Востокова.

Фиксация погрешностей в интерпретациях, различных недопониманий, искажений смысла при цитации в труде Ж-го – далеко не единственная линия в деятельности его рецензента. Разбор утверждений Ж-го стимулирует у П. дальнейшее развитие собственных идей. Он пишет: – О губных, как выше о гортанных, автор утверждает, что в укр. говорах «они относятся к разряду положительно твердых звуков» (251). **Отказываясь от своего выражения** «губные смягча-

ются посредственно, или, вернее сказать, вовсе не смягчаются (Два изсл. о зв. 128), я думаю, что» здесь нужно различать несколько степеней: ... (с. 75). Таким образом, замечания П., сделанные в рамках его научного диалога с Ж-м, объединяет стремление восстановить истину относительно фактов изучаемой области. Этот аспект деятельности П.-критика непосредственно соотносится с постулатами категории Качества Принципа Кооперации П. Грайса: 1) «Не говори того, что ты считаешь ложным» и 2) «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» (Грайс 1985: 222–223).

2.3. Третий тип критического реагирования в «Разборе» представляют случаи опровержения высказанного Ж-м. Акт опровержения в данном случае мы трактуем в расширительном смысле – как открытую негативную реакцию рецензента на утверждаемое автором, которая сопровождается определенной аргументацией. Следует сказать, что опровержения в «Разборе» в своем словесном оформлении весьма различны как по тональности, так и по глубине предоставляемой аргументации, а также и по степени эксплицитности выражения своей позиции (*это ошибочное утверждение / противоречит / неверно*). Напр., *Здесь уместна оговорка. 1) Я высказываю свои сомнения в правильности взглядов г. Ж. в том предположении, что мы оба говорим ... (с. 10). Есть ли у автора такие основания? Я их не заметил [...]. В этом отношении авт. ничего нового не представил даже со своим предположением общерусс. ф. куонь, так что можно не придавать значения следующим словам: ... (с. 11). Скорее можно перевернуть утверждение г. Ж. и сказать, что ... (с. 19). Относительно глаг. на увати авт. думает, что здесь в врусс. у сменилось посредством*

ы (138), т.е. связывать из связувать, что, по-моему, ошибочно (с. 46). Против одного из утверждений г. Ж., что [...] можно заметить... (с. 59). Г. Житецкий возводит это изменение к XI в., принимая что [...]. Никакого смешения тут нет. (с. 52). На это замечу, что если под новым фонетическим типом разуместь, напр., случай, как роз-судити, то именно там, где заметна утрата этимологического сознания, никакой перестройки по новому типу не произошло ... (с. 63). Приведенный материал достаточно наглядно демонстрирует, что «формулы» опровержений у П. соответствуют тому содержанию, которое они отражают. Общим для всех подобных случаев является исключительно подробная аргументация ученого и изложение своей позиции (примеры такой аргументации ввиду ее объемного характера мы опускаем; см. с. 45–47, 52–53, 59, 61–63 и др.).

Значительно менее типичны для «Разбора» случаи ссылок на чужие работы вместо полного приведения аргументации, напр., *Об этой весьма характеристической ошибке – Колосов. Загадочные зв. 32 след.* (с. 20). Отметим также, что в отдельных случаях подробная аргументация перерастает в полемические рассуждения (с. 13, 45–47, 52–53 и др.) с учетом данных из различных источников и трудов других филологов. Напр., *Опущение еров в древних памятниках, в случаях, где этих звуков не слышно в новом языке, еще не служит доказательством отсутствия в этих случаях глухих в языке этих памятников. Здесь средством исправления правописания древнего памятника могут служить те более новые пам., в коих неправильно ставятся чистые вместо глухих [...]* Что при подобных заключениях можно впасть в ошибку, принявши, напр., два

различные течения языка за одно; что остается некоторая возможность того, что, напр., писец Ев 1144 не произносил глухих там, где писцы Червонорусс. Грам. XV в. их произносили: это само собой разумеется (с. 52). В процессе такого диалогического обсуждения определенного вопроса П. пересматривает свои взгляды, корректирует и уточняет свою позицию; ср. беру назад свое мнение (с. 52); поправляю свою ошибку (с. 64).

Таким образом, этот случай критического реагирования демонстрирует, сколь значительным было внимание, уделявшееся П., аргументации при отстаивании своей позиции в научном поиске и выявлении истинной картины. В ходе критического анализа он вносит коррективы в те высказывания, которые были сделаны им ранее в своих собственных разысканиях.

2.4. Если в основе предыдущих типов критического реагирования лежит отрицание, полное или же частичное, истинности высказанного Ж-м, то в основе четвертого выделяемого типа лежит оценка приводимых данных как неполных и недостаточных. Можно сказать, что этот случай соотносится с нарушением постулатов количества и качества П. Грайса: «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется», «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» (Грайс 1985: 222–223). Основной дискурсивной формой реализации этой тактики выступает комментирование: П. комментирует то или иное утверждение Ж-го, приводя новую информацию, в основном подтверждающую мысль автора, иногда корректирующую и детализирующую ее, но всегда дополняющую. В отдельных случаях это краткая ссылка на определенную публикацию, имеющую отношение

к высказываемому: 1) *Основания этой очевидности я опускаю; мнения о ней Iagić. Archiv. II, 359; Колосов, Загадочн. зв. 23–4* (с. 16). См. заметку в моем соч. *Два изсл. 85. Более новые сведения о существовании долготы независимо от ударения в Вятском у.* – у *Колосова Зам. о яз. и пр. Отч. III, 65.* (с. 27). В тексте «Разбора» они весьма многочисленны (с. 16, 17, 18, 21, 23, 26, 27, 36, 37 и т.д.). Однако значительно чаще П. приводит многочисленные лингвистические факты, почерпнутые из текстовых или устных источников, мнения известных специалистов, которые дополняют картину, воссозданную Ж-м.

Создается впечатление, что П. стремится изложить все, что знает по данному вопросу, вследствие чего его комментарий превращается в энциклопедическую справку о состоянии изученности или разработанности данного вопроса. Примером такого энциклопедического комментария служат страницы 42–45 «Разбора», где он разбирает вопрос о переходе в древнерусском *ы* в *и*, затем в *ѣ* (снова). Он цитирует Ягича, Срезневского, Колосова, Гейтлера, сочинения Памвы Берынды, приводит значительный массив фактов из текстовых источников (Зографское, Пересопницкое Евангелия, Новгородские грамоты и др.), сопоставляет мнения различных авторов. В целом комментарий в данном случае выглядит как текст в тексте; его определенная автономность, видимо, осознавалась и самим П., который, завершая его, пишет: *Возвращаюсь к соч. г. Ж.* Подобные энциклопедические комментарии представлены и в других частях «Разбора» (с. 50–51, 59–61, 65–69, 71–72).

Характерным образцом такого комментария, ярко демонстрирующего стиль аналитической деятельности ученого, является фрагмент, посвящен-

ный вопросу о небно-гортанных звуках (с. 71–72), где в противовес безапелляционности суждений Ж-го П., не отрицая высказываемого им, отмечает: *Объяснение причины явления перенесением этого явления в прошедшее («в начале было дело») несогласно с понятием о причинности, как чем-то отличным от тавтологии* (с. 71). Он раскрывает сложную и неоднозначную картину, относительно которой сам не может дать окончательного ответа: *Не потому ли, что в одних преобладает небный характер согл., а в других гортанный? и прочее такое.* (с. 72).

Таким образом, отмеченные типы критического реагирования у П. связаны со всеми постулатами Принципа Кооперации и стимулированы нарушением или одного из постулатов, или их комбинацией. Наиболее существенными из них для критической деятельности выступают постулаты качества, а также способа и количества, которые сопряжены в контексте научного дискурса с постулатами качества и подчинены им, как «отвечающим» за истинность утверждаемого и научного высказывания в целом.

3. Вопросы. Пафос поиска истины, присущий «Разбору», ярко проявляется в одном речевом приращении П., а именно в активном использовании дискурсивной формы вопроса. Вопросами (и вопросительными знаками – графемами, несущими значительную смысловую нагрузку) насыщен весь текст «Разбора». Вопросов в авторском критическом тексте (не в цитатах), по нашим подсчетам, – не менее 44, и отражают они различные виды вопросительных интенций и способов работы со смыслами различного уровня, представленных как в семантике конкретного высказывания, так и в предметном поле науки в целом,

в связи с чем их можно разделить на проблемные, герменевтические, риторические, информационные (по крайней мере это наиболее представленные разновидности).

К числу *проблемных* вопросов относятся такие, в которых «озвучиваются» определенные проблемные моменты предметной области. Они, как правило, направлены на поиск причин явлений, существенных связей объектов и относятся к смысловому полю изучаемого предмета в целом: *Совсем не видно, почему это наш нынешний язык не есть нечто созданное под «непосредственным» влиянием природы, конечно через посредство человека? Почему он не бессознательный орган сознания?... (с. 14). Но почему же з, ц, с, продукты смягчения древних г, к, х, должны исчезнуть...? (с. 71) Но в таком случае чему же обязана мягкостью эта согласная, когда следующая...? (с. 73). Но откуда же взялась эта краткость...? (с. 26).*

К *герменевтическим* вопросам следует отнести такие, которые вызваны непониманием рецензируемого текста, возможностью его толкований различным образом. Напр., *Нужно ли думать, что эти черты как принадлежность древнерусского языка, искусственны? (с. 15) В каком смысле авт. называет ој уцелевшим остатком ... ? (с. 16).* Они стимулируют интерпретацию определенных смыслов, содержащихся в высказываниях Ж-го.

Информационные вопросы – это вопросы, благодаря которым П. фиксирует отсутствующую в высказывании информацию, указывает на то, что не названо или не обозначено в нем, на определенную информационную лакуну. Напр., *Дело (чье? автора? или вообще?) ... (с. 2). Если формы служили мысли только*

отчасти, то чему еще они служили? (с. 8). Если ф. на коні и в то время, когда и в этих говорах было здесь и = і уподобила себе форму на столі, то почему же эта последняя осталась при і, тогда как в первой окончание отвердело до «на кони»? (с. 18–19). ... (однако когда-то было трудно?...) (с. 71). Эти вопросы относятся к определенным членам предложения в тексте Ж-го, их составным элементам, не дающим достаточно достоверной информации, часто они относятся к незаполненным валентностям, могут быть вызваны отсутствием аргументации. Их происхождение следует связывать с недостаточным удовлетворением информационной потребности специалиста. Так, в следующем примере вопрос П. стимулирован отсутствием данных об источнике информации: *Откуда известно, что в ... было начальное а, и что словин. еј есть... (с. 16).*

Наконец, *риторические* вопросы оформляют вопросительной дискурсивной формой утверждаемое автором, однако в виде диалогической реакции, обращенной к автору, иногда косвенно: *Не лучше ли говорить прямо от себя, а не от имени науки? (с. 7). Чем это не лексическое единство? (с. 2).* Риторический вопрос в отдельных случаях приобретает черты (под влиянием контекста) герменевтического: *Есть ли это глухой звук? И да, и нет. Да, в смысле того минимума гласности, без которого согласная эксплозивная на конце не могла бы быть произнесена; нет – в смысле глухого образующего слог (с. 61), где ответ на вопрос демонстрирует его герменевтический характер (в смысле...).*

Вопросы, порождаемые в процессе разбора, дополняют картину аналитических приемов, используемых П., и вместе с тем ярко представляют его индивидуальный стиль рецензирования. По своей

сути они отражают когнитивные операции (различные операции со смыслами), однако вносят в текст значительную экспрессию.

130

4. Стилистика оценки. В отличие от рецензии, которая является по преимуществу оценочным жанром, в котором используется определенный набор аксиологической лексики, необходимой для квалификации рецензируемого текста по тем или иным параметрам, а также «в целом» (холистическая оценка), разбор нацелен на выявление соответствия истине отдельных сегментов изучаемого труда. Поэтому оценивание здесь носит редуцированный характер и сфера его реализации ограничивается, главным образом, репертуаром истинностных оценок. Рассмотрение текста П. в плане того, как в нем выражаются оценки, показывает при значительном разнообразии самих операций оценивания его сдержанность в оценочных суждениях и, особенно, в использовании каких-либо средств эмоциональной оценки.

Разнообразны сами объекты оценивания, которые демонстрируют фокусировку внимания ученого на релевантных для поиска истины составляющих научной деятельности в ее текстовом воплощении. Среди объектов оценки следует назвать прежде всего определенные высказывания Ж-го (тезис, положение, рассуждения) в их смысловом аспекте: *Итак общерусский язык был естественный, тогда как и в пенье соловья иные различают степень искусства, а «язык древнерусской письменности есть произведение искусственное в полном смысле этого слова» (39). Сильно сказано. (с. 14). Всеобщность о выговоре [...] ошибочна; примеры неудачны: .... (с. 17). Об этой весьма характеристичной ошибке –*

*Колосов, Загадочные Зв. 32 след. (с. 20). Все это **априорно** и **неверно** (с. 64). И в другом месте авт. утверждает, что нельзя понять историю без начальной страницы (2). Это кажется **странным** (с. 6); см. также примеры выше. Кроме основного содержания определенного высказывания, оценивание охватывает семантические «спутники» высказывания – его возможные импликации, а также презумпции, логические посылки. Ср. На случай, если бы это место дало повод приводить в зависимость ф. возю, носю, видю и мягкость и, формы возю и отверждение и, замечу, что это было бы **неверно** (с. 75). После общих рассуждений (220–6), приступ к делу начинается с утверждения «что [...]» ... С этой **предвзятой** мыслью автор рассматривает различные разряды согласн., начиная с гортанных, которые называет небногортанными. (с. 69). Также **шатки** заключения к языку от различия обычаев (с. 13).*

При оценивании в фокусе внимания П. находятся корректность постановки проблемы, выводов проведенного исследования – важнейших составляющих научной деятельности. Они выступают в качестве объектов оценки: *Он говорит: «предоставляем другим разработать поставленный нами вопрос» (188), но другие, пожалуй, могут найти, что и вопрос-то поставлен криво (с. 56). Объектами оценки становятся и общий подход к анализу материала, и отдельные процедуры анализа: Относить к явлениям южнорусским чередование е и и в Олгерд, Олкгирд – чрезвычайно смело (с. 40). «... Чтобы получить верные выводы из сравнения двух предметов, нужно восстановить изначально-древнейший образ того и другого историческим путем: тогда получится главнейшее условие сравнения, т.е. равнозначительность сравниваемых величин»,*

ибо величины несоизмеримые сравниваемы быть не могут...». Конечно, автор в праве называть эту мысль своею в том смысле, в каком вообще идеи нашего времени составляют нашу собственность (с. 3). В соответствии с когнитивной спецификой разбора набор используемых в тексте семантических предикатов (прилагательные, наречия) ограничен шкалой истинностных оценок (*верно, неверно, криво, предвзятый, сомнительно, шатки* и др.) и в своем абсолютном большинстве они относятся к оценкам, выражающим семантику негативности.

В целом обращение к оценочному аспекту критической деятельности П. показывает, что текст Ж-го стал для него мощнейшим стимулом интеллектуальной деятельности, направленной на «поиск истины» и создание максимально адекватной картины предметной области. Заботой о восстановлении истины пронизан весь текст «Разбора» и в нем на различных его участках появляются маркеры достоверности, раскрывающие эпистемический статус пропозиции – полноту или неполноту знания, абсолютную или относительную достоверность, сомнительность или безусловность утверждаемого, предположительный или несомненный статус сообщаемого.

Используемые П. маркеры дейктичны и субъективны по своей сути в том смысле, что отражают состояние знания и отношение к научным фактам непосредственно в момент написания текста. Так, на с. 48 П., рассматривая вопрос об употреблении глухих звуков при плавных, вводит выражение *насколько мне известно*, отражающее состояние знания по данному вопросу в момент создания текста. Выражения *это можно оставить вопросом* (с. 49), *остается по-прежнему вопросом* (с. 71) сигнализируют о недо-

статочности оснований для вынесения суждения в данный момент. Более эксплицитно то же самое отражается в высказывании *но можно бы повременить с объяснением необходимости явления, которое б. м. замечено только под влиянием готовой теории* (с. 72), а также в упреке о преждевременности суждений Ж-го: *Г. Ж-му нужно было представить более многочисленные и убедительные примеры в доказательство своего положения* (с. 53). В другом месте он отмечает очевидную истинность утверждаемого: *Значит, нет сомнения, что в имен. ед. м.р. ...* (с. 50). Осторожность в формулировании определенных положений при осознании их безоговорочного характера отражается в выражениях: *... не решаюсь приписать влиянию* (с. 65). *Гадательную причину [...]* б. м. *позволительно усматривать в некогда частом ...* (с. 54).

5. Метатекст. Понимая под метатекстными элементами средства (отдельные высказывания и их фрагменты), которые традиционно служат обеспечению связности научного текста и нацелены на реализацию контактной функции в научном диалоге, отметим, что метатекстных элементов с собственно функцией организации изложения в тексте Потебни не так много: *Возвращаюсь к соч. г. Ж.* (с. 45). *Прибавлю еще нечто* (с. 17). *Обращаюсь за тем к тому, что дало повод к этому отступлению* (с. 35).

Более характерны для него такие метатекстные высказывания, которые сочетают функцию организации изложения с экспликацией методологических аспектов научной работы – критериев оценки, мотиваций для умозаключений, статуса процедур научного анализа и их логической последовательности. Так, в

различных частях «Разбора» он касается темы критериев, обеспечивающих истинность результатов научного исследования – объективных или субъективных: 1) *Этот прием и не претендует на математическую доказательность, но он вернее...* (с. 52). 2) *К вопросу [...] мы подходим с двух концов...* (с. 48). С этой точки зрения строго научная совесть должна бы заставить говорить не о звуках, а только о буквах ... (с. 16). Метатекстные элементы также развивают тему поиска или восстановления истины: *Здесь есть некоторые сомнения, почему на этом вопросе я остановлюсь и привлеку к нему кое-что стороннее; но чтобы не возвращаться к вышеприведенным возражениям г. Ж, замечу, что мне непонятны те основания, на которых он приписывал мне мнение будто «[...]». Моя мысль: ...* (с. 30).

Теперь, завершая рассмотрение особенностей стиля рецензирования П., можно ответить на вопрос, поставленный в начале статьи: действительно ли, по словам А. Руссова, П. только лишь «ругал» Ж-го и почему ознакомление с текстом «Разбора» оставляет подобное впечатление даже относительно тех фрагментов, в которых П. выражает принципиальное согласие с Ж-м, подтверждает правильность высказанного им? Ознакомление с текстом «Разбора» в целом позволяет увидеть, что в сочинении Ж-го П. больше всего «не устраивало» плоскостное виденье материала, безапелляционность суждений, отчасти стремление «подвести» факты под определенное обобщение, серьезное упрощение реальной ситуации.

В своих комментариях П. весьма значительно, часто невероятно сильно расширяет диапазон используемых научных фактов, стремясь к полноте и максимальной точности воссоздавае-

мой картины, он не спешит делать однозначные выводы, приводя факты *pro* и *contra*. Иногда оставляет вопрос открытым. В каждом сегменте текста, разбирая отдельный конкретный фрагмент труда Ж-го, он стремится демонстрировать, что реальное положение вещей значительно объемнее, сложнее, многомернее, часто противоречивей, нежели это показывает автор. При этом он крайне редко прямо высказывается об этом своем стремлении, как, напр., на с. 28 (*двояко и аподиктически этого решить нельзя*). Однако на последней 76-й странице «Разбора», завершая его, он, тем не менее, эмфатически выражая свою мысль (акцентное выделение, порядок слов, усилительная частица *и*), восклицает: *Автор и здесь старается быть прямолинейным* (с. 76).

Таким образом, главная интенция текста – поиск истины – понимается П. как воссоздание максимально плотной и многомерной картины звуковых изменений, приближенной к реальности. Эта интенция выступает и стилиобразующим фактором, который накладывается на условия порождения текста-разбора в соответствии с его когнитивной и процедурной спецификой. Таким образом, не оценка, а «борьба за истину» как основная текстообразующая линия «Разбора» ведет к преобладанию в нем критического комментирования, которое и создает стилистическую атмосферу негативности, влияющую на его восприятие.

Примечания

(*) Фрагменты работы А. А. Потебни мы даем по изданию отдельным оттиском (Потебня 1879), указывая лишь страницу данного издания, в соответствии в основном с современными орфографическими нормами, однако с сохране-

нием пунктуации первоисточника. Большинство фрагментов, ввиду их весьма значительного текстового объема, мы сокращаем, обозначая усечение фрагмента в середине предложения графемой «квадратные скобки» [...], в конце предложения – тремя точками, при купюрах в цитатах используем соединение графем

«кавычки» и «квадратные скобки»: «[...]». Фрагменты из текста «Разбора» мы даем курсивом, вследствие чего авторский текст Потебни и его примеры графически не разграничиваются. Это объясняется тем, что для целей данной работы такое разграничение в целом не является релевантным.

133

summary

[TATYANA V. RADZIEVSKAYA]

A. Potebnya as a critic: peculiarities of book-reviewing style

The paper represents an attempt to analyze peculiarities of book-reviewing style of A. Potebnya (1835–1891), an outstanding Ukrainian and Russian linguist, professor of Harkov University. One of the best examples of his critical works is a book-review of P. Zhitetsky's study of Ukrainian language "Essay on the sound history of Little Russian dialect". Potebnya's book-review published in 1879 contains a fundamental critical analysis (76 pages) which comprehensively elucidates the problems of historical phonetics of Ukrainian and other Slavic languages. It is known as an important work in this field of linguistics. For this book-review Potebnya was awarded the Gold Uvarov medal, a honourable award of the Emperor's Academy of Sciences in Russia.

Potebnya's review shows both individual stylistic features of critical analysis and ones of book-reviewing manifested in the context of academic discourse of 19 century through specific types of critical reacting. These include critical remarks about vagueness of means of expression, unclearness, lack of strictness, poor argumentation creating difficulties while text reception and its understanding. Other types of critical reacting are disproves, critical comments and cases of nonadequate citing.

The examination of Potebnya's types of critical reacting shows that the main factor of style formation deals with the intention of a search of truth and doesn't deal with evaluation.

Литература

- Воробйова 2005: **Воробйова О. П.** *Когнітивна поетика в Потебнянській ретроспективі.* – In: Мовознавство, № 6. – С. 18–25.
- Грайс 1985: **Грайс Г. П.** *Логика и речевое общение.* – In: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс. – С. 217–237.
- Корнева 2010: **Корнева Н. А.** *Рецензія в сучасному науковому дискурсі: семантико-композиційний та комунікативно-прагматичний аспекти.* – Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К. – 21с.

Стиль 2011

ТАТЬЯНА В. РАДЗИЕВСКАЯ

- Покажчик 2005: Олександр Опанасович Потебня: (До 170-річчя з дня народження):
Бібліографічний покажчик / Уклад.: В. Ю. Франчук, Ф. Х. Широкоград, Ю. Ю.
Полякова. Наук. ред. Ф. Х. Широкоград. – Харків: хну ім. В. Н. Каразіна. – 164 с.
- Потебня 1879: Разбор сочинения П. Житецкого: «Очерк звуковой истории малорусского
наречия». – Киев, 1876г. Составленный профессором А. А. Потебня. – Отдельный
оттиск. – СПб., 1879. – 76 с. (То же см. In: Зап. Академии наук. – 1879. – Т.33. Прилож.:
Отчет о 20-м присуждении наград гр. Уварова. – С. 764–839.)
- Франчук 1991: **Франчук В. Ю.** З листування Олександра Потебні та Олександра Русова. – In:
Народна творчість та етнографія. – № 1. – С. 79–88.